

ПРОТОКОЛ

УКРОЩЕНИЯ ПЛАМЕНИ

Ответственный исполнитель: ВКРВ

WKPВ WKPВ

Протокол укрощения пламени

<https://litres.ru/74250317>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире победившей отчетности и тотального контроля нет места эмоциям. Есть только КРІ, индексы гармонии и квитанции за капремонт. Иван — младший аналитик, чья жизнь состоит из серых таблиц и животного страха нарушить ГОСТ на счастье. Но однажды Система решает экстренно улучшить демографические показатели района и доставляет ему на дом «партнера экстра-класса».

Товар 113-А. Она же — Жанна дАрк Альтер, Драконья Ведьма и воплощение ярости, вырванная из Трона Героев по ошибке в тендере. Она готова обратить города в радиоактивный пепел и утопить мир в крови, но... как быть Владычицей Пламени, если за несанкционированный поджог вычитают из материнского пособия, а вместо кровавых битв заставляют носить сарафан в подсолнухах и есть обезжиренный творог по талонам?

Это история о столкновении абсолютного зла и абсолютной бюрократии. О мире, где великие Герои прошлого вынуждены драться пластиковыми вилками в очередях за субсидиями.

Содержание

Глава 1. Жена по приказу	4
Глава 2. День Вежливой Репки	24
Конец ознакомительного фрагмента.	34

WКРВ

Протокол

укрощения пламени

Глава 1. Жена по приказу

Телевизор в квартире Ивана излучал стерильно-белый свет и оптимизм, от которого хотелось немедленно выйти в окно.

На экране женщина с лицом, туго стянутым протокольной улыбкой, вещала на фоне графиков, стремящихся в стратосферу:

«...Таким образом, Управление Демографического Планирования напоминает: каждый нерожденный гражданин — это удар по макроэкономике! С завтрашнего дня вступает в силу поправка к закону о «Холостом простое». Гражданам с индексом семейности ниже 0.4 будет оказана проактивная государственная помощь. Помните: Родина любит вас. И Родина ждет взаимности».

Иван вздохнул, выловил из тарелки последний пельмень (категория «Г», согласно ГОСТу, мясосодержащий продукт со вкусом безысходности) и отправил его в рот. Ему было тридцать. Его индекс семейности составлял гордые 0.0. Он

работал младшим аналитиком в отделе статистики, жил в типовой «однушке» с серыми обоями и искренне полагал, что если сидеть тихо и не отвечивать, Система его не заметит.

Система заметила.

Стук в дверь был не просто громким. Он был *регламентированным*. Три коротких удара, пауза в полторы секунды, еще два удара. Так стучат люди, у которых в кармане лежит инструкция по правильному стуку в двери уклонистов.

Иван подошел к двери и посмотрел в глазок. На лестничной клетке стояли двое. В одинаковых мышино-серых костюмах, с одинаково постными лицами и планшетами в руках.

Воздух в коридоре показался Ивану густым, как кисель. Он щелкнул замком.

— Гражданин Иван Николаевич? — ровным, лишенным интонаций голосом спросил Первый, сверяясь с планшетом.

— Допустим, — осторожно ответил Иван.

— Департамент Принудительного Счастья и Демографической Интеграции, — отрапортовал Второй, даже не моргнув. — Согласно Постановлению 884-бис, ваш текущий коэффициент семейной активности признан критически неудовлетворительным. Вы потребляете кислород, воду и субсидированное электричество, не предоставляя государству инвестиций в виде генетического материала.

— Я... я просто еще не встретил подходящего человека, — попытался оправдаться Иван, чувствуя, как абсурд ситу-

ации смыкается вокруг его шеи.

— Государство заботится о вашем времени, — Первый сделал шаг вперед. — Ожидание «подходящего человека» снижает квартальные показатели района на 0,03%. Поэтому, в рамках пилотного проекта «Семья под ключ», вам выделен партнер экстра-класса.

— Выделен? В смысле, партнер? Жена?! Вы привели мне женщину по госзакупкам?! — Иван попятился.

— Инвентарная единица классифицируется как «Супруга, модификация штурмовая, с повышенной сопротивляемостью к внешней среде», — Второй что-то смахнул на планшете. — Объект был изъят из... смежного пространственно-временного континуума в связи с дефицитом отечественных невест. Распишитесь в акте приема-передачи.

Они расступились.

И тут произошло нечто.

Температура на лестничной клетке мгновенно подскочила градусов на пятнадцать. В нос ударил густой, удушливый запах серы, жженого металла и почему-то дорогого французского парфюма. Лампочка над дверью жалобно замигала и лопнула, осыпав пол искрами.

Она стояла в полумраке, освещаемая лишь багровым светом, который исходил от её собственных глаз.

Пепельные волосы. Искаженное яростью, но безупречно красивое лицо. Черные доспехи, усыпанные шипами, тяжелый плащ, края которого, казалось, тлели. В одной руке она

сжимала древко массивного черного флага, от которого несло жаром преисподней.

А на её левом наплечнике, прямо поверх готического металла, был криво наклеен желтый стикер со штрих-кодом и надписью: *«Товар 113-А. Осторожно: огнеопасно. Перед применением зачитать права»*.

Жанна д'Арк Альтер медленно подняла голову. В её взгляде читалось желание превратить эту планету в радиоактивный пепел.

— Слушайте меня, ничтожества, — её голос завибрировал в стенах, заставив штукатурку осыпаться. — Я сильнее всех вас вместе взятых. Я — воплощение мести. Тот, кто посмел вырвать меня из небытия, познает муки, которых не видел даже...

Она не договорила.

Первый инспектор, не отрывая взгляда от планшета, монотонно произнес:

— Зафиксирована вербальная агрессия при первичном контакте. Стадия «Отрицание». Включаю в протокол. Гражданин Иван, согласно инструкции, вы должны ответить супруге фразой-активатором лояльности. Читайте по слогам с моего экрана.

Иван, находясь в состоянии глубочайшего экзистенциального шока, перевел взгляд с полыхающей злобой Жанны на тусклый экран планшета и деревянным голосом зачитал:

— «Здравствуй, дорогая. Я ценю твою эмоциональную во-

влеченность. Пройдем на кухню, там нас ждет субсидированный чай».

Жанна поперхнулась собственным гневом. Пламя вокруг неё дернулось и опало.

— Что?.. — только и смогла вымолвить величайшая злодейка. — Какой... чай? Я сожгу тебя до костей!

— Угроза физической расправы внутри жилого помещения, — Второй инспектор тяжело вздохнул, достал из кармана красную ручку и сделал пометку в бумажном бланке. — Это нарушение техники пожарной безопасности, мадам. На первый раз выписываю предупреждение. Штраф составит 500 рублей, заочно вычтем из вашего материнского пособия.

Жанна Альтер, способная уничтожать армии, стояла в коридоре хрущевки и с ужасом понимала, что её только что... оштрафовали.

В подъезде повисла тишина. Такая плотная, что её можно было резать канцелярским ножом.

Жанна моргнула. Пепельные ресницы дрогнули. Великая мстительница, чьего имени боялись целые армии, чье пламя обращало в прах города, попыталась осознать фразу «вычтем из вашего материнского пособия». Мозг, заточенный под тактику выжженной земли, отказывался обрабатывать концепцию административного штрафа.

— Ты... — её голос дрогнул, потеряв часть своего жуткого образа. — Ты пытаешься взыскать дань с меня? С той, кто

стоит над жизнью и смертью?!

— Я пытаюсь закрыть заявку до обеденного перерыва, гражданка, — невозмутимо ответил Второй инспектор, смахивая пепел с рукава своего дешевого пиджака. — Время — государственный ресурс.

Первый инспектор тем временем повернулся к Ивану, который всё ещё стоял с тарелкой, в которой сиротливо плавал недоеденный пельмень. Из бездонного портфеля чиновник извлек пухлую картонную папку и всучил её Ивану.

— Вот ваша сопроводительная документация на Объект 113-А. Здесь руководство по эксплуатации, график обязательных вакцинаций, календарь овуля... кхм, фертильных окон, и список разрешенных хобби, утвержденный Министерством Эстетического Развития.

— Разрешенных хобби? — вяло переспросил Иван, чувствуя, как папка оттягивает руки, словно свинцовая плита.

— Да. Вязание крючком, макраме, лепка из экологически чистой глины. Использование колюще-режущего оружия, — инспектор покосился на гигантский флаг Жанны с острым, как бритва, навершием, — допускается только при нарезке овощей для борща по ГОСТу 31936-2012.

Жанна Альтер поняла, что её не просто не боятся. Её *инвентаризируют*.

Она не стала кричать. Она просто шагнула вперед, её глаза вспыхнули нестерпимым желтым светом, а флаг с лязгом ударил в бетонный пол.

— Я покажу вам ГОСТ, черви! — прошипела она. — Сгорите в пламени моей скорби!

Пространство исказилось. Волна густого, ревущего огня сорвалась с её фигуры, заполняя тесный коридор хрущевки. Температура взлетела до сотен градусов, краска на стенах мгновенно запузырилась и почернела. Пламя ударило в инспекторов, поглотив их серые фигуры.

Жанна тяжело дышала, на губах играла безумная, торжествующая улыбка. Наконец-то. Они познали её мощь. Сейчас пепел этих жалких клерков осядет на пол, и этот заморыш с тарелкой падет перед ней ниц...

Огонь рассеялся.

Инспекторы стояли на том же месте. Их костюмы слегка дымились, галстуки обуглились по краям, а брови Первого инспектора исчезли, оставив лишь покрасневшую кожу.

Но они не кричали. Они даже не изменились в лице.

— Датчики задымления в подъезде не сработали, — меланхолично констатировал Первый, протирая закопченный экран планшета платком. — Запиши: передать жалобу в управляющую компанию. Халатность при обслуживании пожарной сигнализации.

— Сделано, — Второй инспектор достал из кармана всё ту же красную ручку. — Так, гражданин Иван Николаевич. Статья 14. Умышленная порча муниципального имущества в местах общего пользования. Сжигание краски — три тысячи рублей. Плюс клининг. Добавим в квитанцию за ЖКХ.

Улыбка сползла с лица Жанны. Её флаг бессильно звякнул об пол.

— Вы... почему вы не сгорели? — прошептала она, и в её голосе впервые прозвучали нотки искреннего, детского недоумения. — Мое пламя сжигает души!

— Мадам, мы работаем в Департаменте Принудительно-го Счастья пятый год, — вздохнул Первый инспектор, глядя на неё пустыми, как вымершая галактика, глазами. — У нас нет душ. Они были сданы в архив при трудоустройстве согласно внутреннему распорядку. А наши костюмы пропитаны специальным антивандальным огнеупором, закупленным по тендеру. Правда, огнеупор токсичный, но это уже проблема Минздрава.

Инспекторы синхронно повернулись, собираясь уходить.

— И помните, Иван Николаевич! — бросил Первый через плечо. — Через неделю к вам придет участковый инспектор по гармонии. Постарайтесь, чтобы ваша супруга к этому времени сменила этот... неформальный наряд на что-то, соответствующее статусу будущей матери. За леопардовые лосины или агрессивный металл у нас теперь тоже штрафуют. Хорошего вечера в кругу новой семьи.

Они развернулись и пошли вниз по лестнице, оставляя за собой запах жженого полиэстера и абсолютного бюрократического равнодушия.

Иван стоял в дверях своей квартиры, прижимая к груди пухлую папку. На лестничной клетке стояла Жанна Альтер.

Её плащ дымился, глаза всё ещё светились, но вид у неё был такой, словно её с размаху ударили энциклопедией по статистике.

Иван посмотрел на неё. Потом на тарелку в своей руке.

— Слушай... Товар 113-А, — тихо сказал он. — Я, конечно, не эксперт в проклятиях, но если ты сейчас еще что-нибудь подожжешь, мне придется брать кредит на оплату коммуналки, из которого нам заочно вычтут не меньше половины за кучу того, о чём я даже не догадываюсь, но они точно знают. Хитрые жуки. Заходи в дом. Пельмени будешь?

Жанна стояла на пороге, не решаясь переступить черту.

Она ожидала подземелий. Она ожидала алтарей, залитых кровью, или, на худой конец, мрачного замка, где её новый «Мастер» будет молить её о силе.

Вместо этого перед ней простиралась прихожая. Узкая, заставленная шкафом из ДСП, пахнувшая старыми ботинками и освежителем воздуха «Морской бриз». На стене висел календарь за прошлый год с грустным котенком и надписью: «Улыбнись, завтра будет хуже».

— Снимай обувь, — буднично сказал Иван, ставя тарелку на тумбочку. — Только, пожалуйста, не прожги коврик. Я его на распродаже брал.

Жанна медленно перевела взгляд с лица Ивана на резиновый коврик.

— Я — воплощение ярости! Я не снимаю сапоги перед...

Она не договорила. Из угла прихожей, прямо из-под по-

толка, раздался мерзкий, синтетический писк. На стене мигнул красный глазок скрытой камеры.

«Внимание, — произнес механический женский голос из динамика. — Нарушение санитарно-эпидемиологических норм. Нахождение в жилой зоне в уличной обуви снижает индекс бытовой гармонии на 0.2 пункта. При повторном нарушении будет отключена горячая вода».

Жанна замерла. Её зрачки сузились.

— Что это за голос? — прошипела она, вскидывая флаг. — Демон, запертый в стене? Я выпотрошу его!

— Нет-нет-нет, не трогай! — Иван бросился наперерез, замахав руками. — Это Система Мониторинга Домашнего Уюта. СМДУ. Нам её всем поставили после закона «О прозрачности личной жизни». Если ты её сломаешь, нас признают «неблагополучной ячейкой» и отправят на исправительные работы по озеленению пустырей.

Жанна посмотрела на него так, словно он заговорил на языке марсианских слизней.

— Ты боишься говорящей стены больше, чем меня? — в её голосе звучала глубокая, искренняя обида. — Я могу сжечь этот город за час!

— Город ты, может, и сожжешь, — вздохнул Иван, снимая тапочки и аккуратно ставя их на полку. — А вот квитанция за капремонт сгоревшего города придет мне на Госуслуги. И поверь, пени там страшнее любого твоего пламени. Разувайся.

Неведомая сила, смесь абсурда и абсолютной обиденности, подавила волю Авенджера. Скрипя зубами и металлом доспехов, Жанна стащила свои тяжелые, окованные железом сапоги и швырнула их в угол.

Один сапог задел стену.

«Внимание. Резкие звуки в вечернее время. Индекс семейной гармонии снижен на 0.1. Рекомендация: обнимите супруга для компенсации стресса».

Иван и Жанна синхронно посмотрели друг на друга. Иван — с ужасом. Жанна — с выражением лица человека, который прямо сейчас готов разорвать ткань мироздания голыми руками.

— Даже не думай, — предупредил Иван, отступая на шаг.

— Я лучше обниму ежа, больного проказой, — процедила она.

Они прошли на кухню.

Здесь было тесно, гудел старый холодильник, а на столе стоял ноутбук, мигающий открытыми таблицами Excel.

Жанна брезгливо оглядела помещение, её плащ зацепился за табуретку. Она попыталась сесть, но тяжелые доспехи лязгнули о спинку, едва не перевернув стул.

— Итак, — она скрестила руки на груди, пытаясь вернуть себе хоть каплю пафоса. — Раз мы связаны этим нелепым ритуалом, я требую знать, каков твой план. Кого мы должны уничтожить? Чьи земли захватить?

Иван, наливавший воду в чайник, остановился.

— План? — он повернулся к ней, потирая переносицу. — Мой план на сегодня — заполнить форму 4-НДФЛ, досмотреть сериал про ментов и лечь спать до полуночи, чтобы не получить штраф за нарушение режима сна. А завтра я иду на работу. И ты... — он открыл пухлую папку, оставленную инспекторами. — Ты, согласно расписанию, должна будешь посетить лекцию «Роль женщины в оптимизации налогооблагаемой базы».

Жанна молчала около минуты.

— Ты издеваешься, — наконец сказала она. Это был не вопрос.

— Я бы очень хотел, — честно ответил Иван.

Он протянул ей листок из папки. Жанна взяла его двумя пальцами, словно он был измазан ядом.

«Список запрещенных к употреблению продуктов для Особи 113-А в период подготовки к демографическому рывку:

Алкоголь.

Кофе и напитки, содержащие стимуляторы.

Острое, жареное, копченое (включая шашлыки, специи, соусы).

Шоколад с содержанием какао выше 30% (провоцирует излишнюю эмоциональность).

Продукты иностранного производства (не поддерживают патриотический иммунитет)».

Её руки задрожали. Жанна Альтер, которая в своей прошлой жизни могла питаться исключительно ненавистью и крепким кофе, а в минуты слабости — дорогим шоколадом, почувствовала, как внутри нее что-то обрывается.

— То есть... — она подняла на Ивана глаза, в которых не было гнева. В них был тихий, первобытный ужас. — Мне нельзя сладкое?

— Там на обороте написано, — виновато сказал Иван. — Тебе выдали талоны на диетический творог с нулевой жирностью и гематоген. Но только по выходным.

Жанна медленно опустила листок на стол.

— Я убью их, — прошептала она. — Не ради мести. Не ради тьмы. Ради шоколада. Я пойду и выжгу их департамент дотла.

Она резко встала, её глаза снова полыхнули. Но в этот момент на кухне погас свет.

В темноте мигнул красный глазок СМДУ.

«Внимание. Зафиксирован скачок эмоционального фона. Во избежание стрессовых ситуаций подача электричества приостановлена на 15 минут. Рекомендуется совместная медитация в темноте или прослушивание звуков леса».

Из динамика под потолком полилось унылое пение птиц, перемежающееся кваканьем лягушек.

Иван в темноте нащупал табуретку и сел.

— Добро пожаловать в ад, 113-А, — тихо сказал он.

— Не смей называть это место адом, — в её голосе слы-

шались слезы абсолютного бессилия. — В аду хотя бы тепло. И там нет лягушек.

Через пятнадцать минут, когда СМДУ наконец сочла их пульс «соответствующим норме вечернего умиротворения», свет включился. Лягушки заткнулись.

Иван молча поставил перед Жанной пластиковый контейнер. На крышке красовалась штамповка: *«Творожный продукт обезжиренный. Изделие 4. Одобрено для фертильных групп населения»*. Внутри лежала серая, влажная масса, по консистенции напоминающая строительную замазку.

Жанна с отвращением ткнула массу вилкой. Вилка вошла с влажным хлопаньем и осталась стоять вертикально.

— Оно сопротивляется, — мрачно констатировала мстительница. — Если я это съем, мой желудок подаст на меня в суд. У тебя есть мясо? С кровью. Или хотя бы хлеб, который не выглядит так, будто им уже кто-то пытал еретиков?

— Мясо по карточкам только в четверг, — Иван виновато пожал плечами, дожевывая свой пельмень. — А это... ну, там много кальция. Для костей.

Она отодвинула контейнер так резко, что тот едва не слетел со стола.

— Я хочу зрелищ! — потребовала она, меняя тактику. Раз тело нельзя насытить пищей, она насытит разум. — Включи свой магический ящик. Я хочу видеть, как в этом мире льется кровь! Как рушатся империи! Покажи мне войну!

Иван вздохнул и нажал кнопку на пульте телевизора.

Экран послушно вспыхнул. Жанна подалась вперед, в её глазах заплясали предвкушающие огоньки. На экране появилась заставка новостей: какие-то люди в камуфляже бежали по развалинам...

Пик.

Экран моргнул и почернел. В центре появилась надпись: *«Идентификация зрителя: Товар 113-А (статус: подготовка к материнству). Внимание! Протокол «Чистое детство» активирован. Блокировка контента с рейтингом агрессии выше 0.1».*

Картинка сменилась. Вместо развалин на экране появилась нарисованная кислотно-зеленая поляна, по которой прыгала гигантская, улыбающаяся репа в красных сапожках.

«Здравствуйте, ребятки! — противно-радостным фальцетом заголосила репа. — Я — Вежливая Репка! Давайте вместе посчитаем, сколько налогов сегодня собрал Зайчик!»

Жанна застыла. Её рот приоткрылся. Она перевела взгляд с Репки на Ивана, потом снова на Репку.

— Что... это... за... демоническое отродье? — прошептала она. — Почему этот овощ разговаривает со мной тоном снисходительного инквизитора?

— Это детская развивающая программа, — Иван отчаянно защелкал пультом, пытаясь переключить канал. — Нам теперь только такие можно. Белые списки. Все фильмы, где есть насилие, драмы, конфликты, сарказм или сцены куре-

ния, заблокированы, чтобы «не травмировать пренатальную ауру».

Он переключил канал. На следующем улыбающийся медведь учил зрителей правильно заполнять квитанцию за вывоз мусора. На третьем шел сериал про идеальную семью, где муж и жена пятнадцать минут экранного времени благодарили друг друга за то, что они помыли посуду строго по регламенту.

— Выключи, — голос Жанны дрожал. Это был уже не гнев. Это была паника. — Выключи это! Они высасывают мой мозг! Я чувствую, как моя ненависть... она превращается в желание заполнить квитанцию!

Иван торопливо выключил телевизор. В квартире повисла тишина, нарушаемая лишь гудением холодильника.

Величайшая угроза человечеству сидела на табуретке, обхватив голову руками в железных перчатках. Система не пыталась её сломать. Система пыталась её *растворить* в патоке скуки.

Время близилось к полуночи. Иван достал из шкафа старое шерстяное одеяло и подушку, намереваясь постелить себе на продавленном диване в кухне. Единственная кровать в комнате по праву хозяйина досталась госте (и потому что Иван физически боялся лечь рядом с женщиной, от которой пахло серой и смертью).

Но как только он бросил подушку на диван, СМДУ под

потолком ожила:

«Нарушение протокола 44 «Сплочение ячейки». Супруги обязаны находиться в единой зоне сна с 23:00 до 06:00. Раздельный сон классифицируется как уклонение от демографических обязанностей. Штраф — 1500 рублей за каждую ночь».

Иван замер с одеялом в руках.

Из комнаты выглянула Жанна. Она так и не сняла доспехи, рассудив, что в этом враждебном мире без металла на груди спать небезопасно.

— Что эта проклятая шкатулка хочет теперь? — устало спросила она.

— Она говорит... — Иван сглотнул. — Она говорит, что если мы не будем спать в одной комнате, меня обанкротят.

Жанна посмотрела на него. Потом на узкую двуспальную кровать. Потом снова на Ивана.

— Если ты коснешься меня хотя бы мизинцем, — произнесла она тоном, от которого замерзли бы реки, — я вырву твой позвоночник и сделаю из него вешалку для своего плаща.

— Договорились, — Иван быстро поднял руки в примирительном жесте. — Я лягу на пол. Рядом с кроватью. Просто в пределах одной комнаты. Это СМДУ устроит.

Они выключили свет.

Жанна легла на край кровати, жестко, как статуя на надгробии. Металлические пластины её доспехов скрипели при

каждом вдохе. Иван расстелил одеяло на полу, подложив под голову свернутую куртку.

Ночь была полна звуков. За окном гудели полицейские дроны. Где-то наверху соседи монотонно зачитывали вслух постановление правительства (видимо, отработывали какой-то свой KPI).

Жанна смотрела в потолок. Впервые за свою историю она не знала, что делать. Нет врага, которого можно проткнуть копьем. Нет святош, которых можно сжечь. Есть только квитанции, Репка и липкий, всепроникающий контроль.

«Я схожу с ума, — подумала она. — Я должна что-то сделать. Призвать фамильяра. Проклясть этот дом. Да, проклятие!»

Она закрыла глаза, начала концентрировать ману, шепча на латыни слова порчи. Воздух в комнате начал гудеть, запахло озоном...

«Внимание, — мягко, но настойчиво произнес динамик над кроватью. — Зафиксировано учащенное сердцебиение и нетипичные электромагнитные колебания. Возбуждение перед сном вредит репродуктивной системе. Включаю принудительную ароматерапию».

Из клапана в стене с шипением вырвалось облачко газа с запахом лаванды и дешевого успокоительного. Магический контур Жанны мгновенно рассыпался. Она закашлялась, чувствуя, как её клонит в сон, тяжелый и вязкий.

Она бессильно ударила кулаком по матрасу. Слеза — на-

стоящая слеза бешенства — скатилась по её щеке.

— Я ненавижу вас... — прошептала она в темноту. — Всех до единого...

Внезапно с пола послышался шорох.

В темноте появилась рука Ивана. В пальцах он что-то держал. Маленькое, прямоугольное, завернутое в золотистую фольгу.

— Эй, — шепнул он. — 113-А. Жанна.

Она повернула голову, подозрительно шурясь в сумраке.

— Что это? Очередная подачка от твоих хозяев?

— Нет. Это контрабанда, — тихо ответил Иван. — Я спрятал это за бачком унитаза еще неделю назад, когда пошли слухи о проверках.

Жанна осторожно взяла предмет. Развернула фольгу. Запах лаванды перебил тонким, богатым ароматом настоящего швейцарского темного шоколада с миндалем. Не 30%. Все 85%.

— Если СМДУ засечет, меня лишат премии, — добавил Иван. — Ешь быстро и спи.

Жанна откусила кусочек. Вкус настоящего какао, горечь и сладость, ударил по рецепторам. В этом крошечном кусочке шоколада было больше свободы, чем во всем этом стерильном мире.

Она посмотрела вниз, на Ивана, который уже отвернулся к стене и натянул одеяло на голову.

— Спасибо, — еле слышно произнесла величайшая из

злодеек. И, немного помолчав, добавила: — Если я все-таки сожгу этот город... я дам тебе фору в пять минут, чтобы ты успел убежать.

— Ценю, — донеслось из-под одеяла.

Они уснули. А Система продолжала бесшумно моргать красным глазом, подсчитывая их коэффициенты.

Глава 2. День Вежливой Репки

Утро началось не с рассвета. Утро началось с гимна.

В 06:00 СМДУ под потолком щелкнула, и квартиру наполнили бодрые, маршевые аккорды. Детский хор, звенящим от энтузиазма фальцетом, запел:

«Вставай, ячейка, солнце светит! / Стране нужны здоровые дети! / Улыбку надень и план перевыполни, / Чтоб графики в министерстве не дрогнули!»

Жанна подскочила на кровати, инстинктивно призывая копьё, которого у нее не было. Она тяжело дышала, глаза безумно шарили по стенам.

— Я сверну им шеи! Я заставлю их петь это задом наперед в котле с кипящей смолой! — прохрипела она, пытаясь нащупать сапоги.

— Нельзя, — глухо донеслось с пола. Иван сидел на своем одеяле, потирая лицо руками. — Гимн Демографического Пробуждения нельзя прерывать. СМДУ фиксирует уровень нашего воодушевления. Улыбайся в камеру, 113-А. Иначе нам отключат подогрев воды.

Жанна посмотрела в красный глазок камеры. Она оскалилась так, что нормальный человек упал бы в обморок от ужаса.

«Зафиксирован оскал. Эмоция: хищная. Переведено в категорию: «Агрессивная страсть для продолжения рода».

Одобрено. Доброе утро, граждане».

Гимн смолк.

— Я начинаю бояться эту коробку больше, чем Жилия де Ре в его худшие дни, — пробормотала Жанна, опускаясь обратно на матрас.

Завтрак состоял из каши, которая, по словам Ивана, была «сбалансирована по ГОСТу», но на вкус напоминала пресованный картон со вкусом надежды. Жанна отказалась. В этот момент в дверь постучали.

Не три раза, как вчера. А легкой, игривой трелью. *Тук-тук-ту-ру-тук.*

Иван побледнел.

— Участковый по Гармонии, — шепнул он. — Спрячь флаг в шкаф. Быстро!

Но Жанна уже стояла посреди комнаты во всем своем готическом великолепии, скрестив руки на груди. Никаких шкафов.

Иван открыл дверь. На пороге стоял мужчина неопределенного возраста с лицом, которое, казалось, было вылеплено из розового пластика. На нем был небесно-голубой пиджак, а на груди висел бейдж: *«Антон Павлович. Специалист по Визуальной Экологии и Уюту»*. В руках он держал прибор, похожий на строительный уровень, но с проводами.

— Доброе гармоничное утро, ячейка 8492! — пропел Антон Павлович, перешагивая порог без приглашения. — Плановый осмотр визуальной экологии пространства. Как спа-

лось? Уровень увлажнения воздуха в спальне? Частота соприкосновений?

Он осекся, заметив Жанну.

Антон Павлович медленно опустил свой прибор. Его plastica улыбка не исчезла, но стала жестче, словно застывший гипс.

— Гражданин Иван, — елеиным голосом произнес Участковый. — Почему Товар 113-А до сих пор находится в заводской, кхм, агрессивной упаковке?

— Я не упаковка, червь! — рявкнула Жанна, делая шаг вперед. — Я — Владычица Пламени! Эти доспехи омыты кровью моих врагов!

— Кровь — это биологическая угроза класса Б, — не моргнув глазом парировал Антон Павлович. Он достал из кармана планшет. — Металлические шипы нарушают правила травмобезопасности внутри жилых помещений, а чернй цвет поглощает свет, снижая коэффициент инсоляции вашей квартиры. Это антидемографично. Женщина должна радовать глаз и транслировать покорность и тепло.

С этими словами Участковый достал из своего бездонного портфеля вакуумный пакет и бросил его на стол.

— Согласно предписанию, вам выделена Униформа Будущей Матери. Модель «Весенний луг».

Иван сглотнул, взял пакет и вскрыл его. Из пластика вывалилось нечто.

Это был бесформенный, мешковатый сарафан цвета дет-

ской неожиданности, густо усеянный принтом в виде гигантских, кричаще-желтых подсолнухов. Ткань на ощупь напоминала стекловату, а на груди красовался огромный QR-код с надписью: «Готова к чуду».

Жанна посмотрела на сарафан. Потом на свои доспехи. Потом на Антона Павловича.

Её левый глаз начал нервно дергаться.

— Ты хочешь... чтобы я... надела на себя эту шкуру больного лепрекона? — её голос упал до зловещего шепота.

— Это запатентованный дизайн, мадам! — радостно сообщил Участковый. — Он скрывает фигуру, чтобы не вызывать нездорового вожделения у соседей, и имеет специальную расширяющуюся зону на животе на вырост. Надевайте. Я должен сфотографировать вас для отчета.

Температура в комнате снова подскочила. Лампочка в коридоре взорвалась. Жанна подняла руку, и вокруг её пальцев заплясали черные языки пламени.

— Я сожгу тебя вместе с твоим отчетом! Я заставлю тебя сожрать эти подсолнухи, а потом выжгу их изнутри! — заорала она, теряя остатки самообладания.

Антон Павлович не сдвинулся с места. Он лишь цокнул языком и достал из кармана маленькую рулетку.

— Термическая активность без лицензии, — вздохнул он. — Иван Николаевич, ваша супруга демонстрирует злостное сопротивление визуальной экологии. Вы знаете правила. Если она не наденет униформу в течение двух минут, я буду

вынужден заблокировать ваш интернет-трафик.

Иван дернулся, словно его ударили током.

— Интернет? — побелел он. — Но... у меня там работа... и... и моя подписка на форум по сборке моделей кораблей! Это единственное, что у меня осталось от нормальной жизни!

— Никаких кораблей, пока супруга не будет транслировать тепло, — отрезал Участковый.

Жанна замерла с занесенной для удара рукой. Она посмотрела на Ивана. В его глазах была такая тоска, такая бездонная, покорная боль человека, у которого отбирают последнюю радость, что Жанне вдруг стало не по себе.

Она вспомнила ночной шоколад. Маленький кусочек контрабандной свободы. Этот жалкий человек рискнул всем, чтобы дать ей его. А теперь этот пластиковый клерк хочет отобрать у него игрушечные кораблики?

Жанна медленно опустила руку. Пламя погасло.

Она подошла к столу, схватила сарафан «Весенний луг» и, не сводя испепеляющего взгляда с Антона Павловича, натянула его на себя.

Прямо поверх черных готических доспехов. Прямо поверх металлических шипов.

Сарафан затрещал. Один шип на плече прорвал ткань, высунувшись прямо из центра желтого подсолнуха. QR-код на груди изогнулся на выпуклости железного нагрудника, а подол нелепо топорщился поверх тяжелых поножей.

Это выглядело так, словно Терминатора заставили выступать на утреннике в детском саду.

— Достаточно визуально экологично, мразь? — прошипела Жанна Альтер, воплощение зла в подсолнухах.

Антон Павлович поправил очки. Система дала легкий сбой — скрипт не предусматривал ношения платья поверх боевой брони. Но КРІ требовал фото в платье.

— Формально... условия выполнены, — он навел на неё планшет и щелкнул камерой. — Хотя шипы портят геометрию цветка. Ладно, запишем как «эkleктичный подход к материнству».

Он направился к выходу, но у двери остановился.

— И еще одно, Иван Николаевич. В связи с повышением уровня гармонии, вам на сегодня назначена обязательная культурная программа. В 14:00 вы обязаны посетить выставку «Счастье в ипотеке» в центральном парке. Отказ карается принудительным прослушиванием лекций о пользе подорожника. Всего доброго!

Дверь закрылась.

Жанна стояла посреди комнаты в броне и сарафане, тяжело дыша.

— Если ты засмеешься, — сказала она Ивану, не поворачивая головы, — я лишу тебя языка.

— Я не смеюсь, — абсолютно серьезно ответил Иван. — Спасибо. За кораблики.

Она фыркнула, подошла к зеркалу в прихожей и устави-

лась на свое отражение. Великая ведьма. Ужас Франции. В подсолнухах.

Система не убивала её. Она стирала её в порошок.

Утро после ухода Участкового по Гармонии тянулось медленно, как просроченная мастика. Жанна наотрез отказалась снимать сарафан «Весенний луг» с доспехов. Это был её личный, извращенный акт протеста: она выглядела в нем настолько нелепо и угрожающе, что это приносило ей какое-то мрачное удовлетворение.

Иван сидел за кухонным столом. Он работал. Точнее, его работа заключалась в переключивании цифр из таблицы «Отчет по дефициту счастья (квартал 3)» в таблицу «Прогноз дефицита счастья (квартал 4)». Жанна, маясь от безделья, слонялась по крошечной квартире.

Она попыталась призвать свой флаг, чтобы отточить пару выпадов.

Но едва древко лязгнуло о линолеум, СМДУ под потолком пискнула:

«Внимание. Зафиксированы нецелевые энергозатраты. Физическая активность без цели зачатия или уборки помещения не поощряется. Рекомендуется лечь и экономить калории».

Жанна с отвращением развеяла флаг.

— Как ты тут живешь? — спросила она, подходя к столу, за которым сутулился Иван. — Ты же похож на мертвеца,

которому забыли сказать, что он умер.

— Мертвецам не нужно платить за капремонт, — монотонно отозвался Иван, не отрывая взгляда от экрана. — И им не приходят штрафы за «недостаточно бодрое лицо в общественном транспорте». Я тебе завидую, ты хотя бы злишься. А я просто устал.

Жанна фыркнула и начала рыться на стеллаже у окна. Там лежали стопки одинаковых серых папок, какие-то бланки и... альбом. Обычный альбом для рисования, придавленный сверху томом «Нормативы утилизации бытовых отходов». Рядом стоял стакан с огрызками карандашей.

В её глазах промелькнула искра. Жанна Альтер в своей прошлой (и крайне запутанной) жизни имела тайную страсть — она любила рисовать. Пусть это была мрачная манга о мести, но это было *её* творение.

Она вытащила альбом, сдула с него пыль и плюхнулась на диван. Взяв карандаш, она попыталась вспомнить чувство, когда гнев превращается в линии на бумаге. Она начала набрасывать контуры. Тираннозавр. Огромный, свирепый, разрывающий когтями серое здание, подозрительно похожее на Департамент Принудительного Счастья.

Минут двадцать в квартире царила тишина, прерываемая лишь стуком по клавиатуре и шуршанием карандаша. Жанна даже почти расслабилась. Её штрихи были резкими, полными экспрессии и темной энергии.

Но тут Иван, закончив очередную таблицу, поднял голову

и увидел, что она делает. Он побледнел.

— Стой! Что ты рисуешь?! — он подскочил к дивану, его голос дрогнул от паники.

Жанна непонимающе подняла на него глаза.

— Моего фамильяра, пожирающего тех ублюдков в серых костюмах, — честно ответила она. — Это помогает мне не сжечь тебя прямо сейчас.

— Спрячь это немедленно! — Иван схватил альбом и попытался вырвать его у неё из рук, но Жанна намертво вцепилась в бумагу металлической перчаткой.

— Да как ты смеешь?! Это мое творение!

— Это статья 114, пункт «Б»! — прошипел Иван, косясь на красный глазок СМДУ, который, к счастью, не реагировал на карандашные наброски (у Системы пока не было модуля визуального распознавания скетчей). — «Производство контента, не несущего конструктивной демографической ценности». За это лишают карточек на мясо на полгода!

Жанна с презрением посмотрела на него и отпустила альбом.

— Твоя трусость жалка, Мастер... то есть, Иван. Что вообще можно рисовать в этом проклятом месте?

— То, что утверждено, — Иван, дрожащими руками, перевернул страницу её альбома.

На следующей странице был рисунок. Старый, слегка выцветший. Жанна прищурилась.

Там был изображен корабль. Прекрасный, детализирован-

ный парусник, рассекающий бушующие волны. Линии были живыми, тени глубокими. В этом рисунке чувствовался ветер.

— Это... ты нарисовал? — с искренним удивлением спросила Жанна.

Иван смутился и поспешно перевернул страницу.

— Давно. Лет десять назад. До того, как ввели «Индекс Позитивного Содержания».

— И почему ты перестал?

Иван молча подошел к стеллажу, достал из-под стопки нормативов папку и бросил её Жанне.

— Открой.

Жанна открыла папку. Там тоже были рисунки Ивана. Но другие.

На одном был изображен пузатый, до тошноты радостный Зайчик, который нес в лапках огромную монету с надписью «Налог на бездетность». Ниже шла подпись каллиграфическим почерком: *«Зайчик-налогоплательщик рад поддержать страну!»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.